УДК 802.0-3820.В-3.08

СВЕТОЦВЕТОВАЯ ПАРАДИГМА В РОМАНЕ В. ВУЛФ «МИССИС ДЭЛЛОУЭЙ»

Фоменко Е.Г., к. филол. н., доцент, Фоменко К.М., студент

Запорожский государственный университет

Анализируется событийный фрейм «вечерний прием в частном доме». Выделяются лексемы центра «свет», перехода «полупрозрачная оболочка» и периферии «не-свет». Выводится концептуальный профиль хозяйки приема, формирующийся вокруг «полупрозрачной оболочки».

Ключевые слова: светоцветовая парадигма, событийный фрейм, интеграция, фреймовая сеть.

Фоменко О..Г., Фоменко К.М. СВІТЛОКОЛЬОРОВА ПАРАДИГМА В РОМАНІ В. ВУЛФ “ МІСІС ДЕЛОУЕЙ” / Запорізький державний університет, Україна

Аналізується подійний фрейм “вечірній прийом у приватному будинку”. Виділяються лексеми центру “світ”, переходу “напівпрозора оболонка” та периферії “не-світ”. Досліджується концептуальний профіль господині прийома, що формується навколо “напівпрозорої оболонки” буття.

Ключові слова:світлокольорова парадигма,подійний фрейм, інтеграція, фреймова сітка

Fomenko E.G., Fomenko C.M. LIGHT-COLOR PARADIGM IN THE NOVEL “MISSIS DALLOWAY” BY V. WOOLF / Zaporizhzhya state university, Ukraine

The eventful frame “a party at the private place” is analysed. The lexemes of the center “light”, transition “half-transparent gauze” and periphery “non-light” are singled out. The conceptual profile of the party’s hostess formed round the “half-transparent gauze” of existence is inferred.

Key words: light-color paradigm, eventful frame, integrity, frame network.

Статья посвящена интегративным процессам, которые рассматриваются через светоцветовую парадигму в событийном фрейме «прием гостей» в романе В. Вулф «Миссис Дэллоуэй» [1]. Цель статьи – выявить приемы фреймовой адаптации лексических единиц со значением «свет физический» в единой светоцветовой перспективе романа. Под фреймом понимается ситуация, выделяемая благодаря тематическому комплексу, в котором происходит отбор, объединение и использование языковых структур [2: 211].

Новаторство прозы В. Вулф, женском варианте прозы Дж. Джойса [3: 72], проявляется в обновлении текстовых структур, которые связаны повторяемостью настроения и мыслей персонажа в заданном фрейме. «Воздушная» проза В. Вулф по силе восприятия приближена к поэзии [4: 221]. В одном из эссе писательница советует читателю идти за своим автором, довериться личности, которая ни на какую другую не похожа [5: 18].

Проблема текстовой синонимики, участвующей в формировании фреймовой сети, является малоизученной. Однако в интеграции текста она играет важную роль. В причудливом соединении сознательного и подсознательного, рационального и иррационального, реальности и вымысла, которыми отличается техника потока сознания [6: 163], текстовая синонимика служит опорой для сцепления мгновений бытия и обновления ассоциаций, отражающих оттенки восприятия мира в себе и себя в мире.

Парадигматическое знание о структуре синонимического ряда, являющееся частью языкового знания, активизируется в тексте в новых синтагматических отношениях. С одной стороны, синонимы указывают на сферы притяжения в тематическом поле текста. С другой стороны, синонимами может актуализироваться обратный процесс. Материальная оболочка слова сигнализирует об его принадлежности к одному ряду, в то время как в текстовом функционировании оно включается в другой, пересекающийся с ним ряд.

На уровне целого текста сходство семантических элементов проявляется в общности контекстного окружения. Здесь действуют тематические поля, которые включаются в моделируемые образования типа ментальных схем, сценариев или фреймов. Структурированность человеческой деятельности проявляется в когнитивной инфраструктуре, в которой происходит «речевое адаптирование», т.е. сознательное замещение одних лексических единиц другими [7: 18].

В анализируемом романе сквозным является событийный фрейм, в котором диагностируется и оценивается ситуация, связанная с приемом в доме миссис Дэллоуэй. Хозяйке приема предписывается определенная стратегия поведения.

Событийные фреймы выполняют ряд функций: выделяют коммуникативную ситуацию, распределяют роли между участниками, объединяют участников общим пониманием ситуации и связанными с ней ожиданиями. В событийном фрейме «прием у миссис Дэллоуэй» эти функции конкретизируются так: 1) обозначение коммуникативной ситуации: прием у Клариссы Дэллоуэй в ее лондонском доме июньским вечером 1923 года, где ожидается появление премьер-министра; 2) роли, выполняемые участниками приема: отличная хозяйка, обладающая редким даром сплочения людей; ее родные и знакомые – кто часть души, кто часть жизненной мишуры (glitter), в том числе первая любовь Питер Уолш и лучшая подруга юности Сэлли; 3) объединение участников общим приподнятым настроением (сияние зала, блеск нарядов, музыка, очарование освещенного сада, светская беседа и т.п.).

Можно предположить, что событийный фрейм «торжественный прием в частном доме» должен быть решен в определенной светоцветовой перспективе. Для этого необходимо формирование поля, ассоциируемого со светом, в котором привычная ситуация (вечернее освещение, нарядное облачение людей и зала) модифицируется в соответствии с действиями и поведением участников. К словарным синонимам с общим значением «свет физический» притягиваются другие слова, которые входят в поле событийного фрейма по требованию данной ситуации, данного контекста. Каждый компонент событийного фрейма (действие, место, время и т.п.) охарактеризован в светоцветовой перспективе.

Проведенное исследование показало, что в событийном фрейме романа используются 35 лексических единиц с общим значением «свет физический», которые распределяются по трем группам: 1) центр «свет» (естественный и искусственный); 2) переход от центра к периферии «полупрозрачная оболочка»; 3) периферия «не-свет» (темнота подсознания или мрак).

Ядро составляют 24 единицы центра «свет» (67 употреблений). Они удалены от периферии «не-свет» (5 единиц, 10 употреблений) «полупрозрачной оболочкой» (6 единиц, 7 употреблений). Сравнение трех групп показывает, что лексемы со значением «свет» значительно преобладают (около 80% от всех случаев). Границы поля определяются в антиномиях light/shadow, strike light/darkness, glow/fade. По направлению к углу падения света, темноте (солнце закрыто тучами), смене дня и ночи (предметы блекнут при ослаблении естественного света) идет отбор конкретных лексических единиц. Например:

A puff of wind…blew a thin black veil over the sun and over the Strand. The faces faded, the omnibuses lost their glow…For although the clouds were of mountainous white…the accumulated robustness and solidity, now the struck light in the earth, now darkness…[1: 153]

В поэтическом восприятии В. Вулф естественный солнечный свет, отбрасывая лучи на материальные объекты, окрашивает их в определенные тона. «Черная вуаль» туч заволакивает белизну освещаемых солнцем облаков, лишает землю привычного цветового разнообразия. Через светоцветовую перспективу (соединение лексем со значением «свет» с ахроматической гаммой белого прошлого и черного будущего) писательница наделяет настоящее (в удалении от Клариссы оно скорее серое, чем цветное) текучестью и незавершенностью. В оболочке утра, дня, сумерек и ночи, в скольжении по цветовому кругу, автор ищет побудительные факторы в деятельности людей, в их отношении к окружающему городскому пейзажу (красно-желтые автобусы, зелень парков) и движениям собственной души. В. Вулф вырисовывает картину мира, в котором «жизнь – не ряд светильников…это полупрозрачная оболочка» [8: 33].

В романе «Миссис Дэллоуэй» принцип изображения множества мгновений, впечатлений, движений души является основным. В общем потоке внешние и внутренние ощущения переплетаются, наделяются конкретными световыми реалиями. На светоцветовую перспективу набрасывается «пелена», в которой значение слов обретает зыбкость, поэтическую тонкость. Слова с общим лексическим значением, словарные синонимы, вступают в новые связи со словами, адаптированными к фреймовой сети. Вместе с ними они скользят в событийном фрейме, входя в него наряду с другими рядами взаимосвязанных лексем.

Любой повтор лексемы становится значимым. Он обеспечивает либо выдвижение художественной детали (назойливая яркость искусственных светильников – люстр, ламп и фонарей), либо помогает связать явления, на первый взгляд удаленные друг от друга (розовое лицо Клариссы и розовое платье ее дочери). Например, сравнение острого язычка язвительной женщины с язычком солнца, выискивающего предметы для придания им нарядной красоты:

She was not wordly, like Clarissa. Was she…respectable? Witty, with a lizard's f*lickerin*g tongue, he thought [1:53].

Значение глагола flicker (to burn or shine with an unsteady light that goes on and off quickly) уточняется в философском размышлении о человеческой душе:

For this is the truth about our soul, he thought, our self, who fish-like inhabits deep seas and plies among obscurities threading her way between the boles of giant weeds, over *sun-flickered* spaces and on and on onto gloom, cold, deep, inscrutable [1: 177].

Прибегая к персонификации солнечных лучей, автор переносит природные явления вовнутрь человека, где в глубинах сознания нарождаются причудливые, индивидуально неповторимые миры.

Для передачи светового потока В. Вулф использует больше разных глаголов (blaze, dazzle, flash, flicker, glare, gleam, glitter, glisten, glow, light, illuminate, shine, sparkle), чем существительных (beam, blaze, flash, glitter, glow, light, luster, radiance, radiancy, phosphorence). Из них только 11 единиц повторяются, причем от трех раз только несколько лексем (глаголы flash, flicker, glow, light и shin, существительные glow и light). Наиболее частотно существительное light. В процентном отношении на него приходится 39,1% от всех употреблений в группе «центр».

Лексические единицы с корневой морфемой light указывают на: 1) источник света (лампа, молния, отверстие в крыше), 2) сияние, исходящее от человека, животного или неживого предмета, 3) совокупность огоньков, 4) характер отбрасываемого луча, 5) озарение по типу религиозного экстаза.

Сферой употребления лексемы shine является усиление отражения света, указание на способ передачи света или его интенсивность:

…the horses paw the ground: toss their heads: the *light shines* on their flanks: their necks curve…[1:50].

Как и shine, лексема glow уточняет лексему light, передавая мягкость сияния, идущего от предметов: сияние розовых лепестков по утрам или на закате, излучаемый душой свет. Типичное окружение – антитеза glow и burn.

…and it was the moment between six and seven when every flower – roses, carnations, irises, lilac – g*lows*; white, violet, red, deep orange; every flower seems to *burn* by itself, softly purely in the misty beds…[1:16]

К пяти «периферийным» лексемам относятся существительные darkness и shadow, субстантивированное прилагательное dark, прилагательное deep и глагол fade. Они обозначают потерю светового ощущения или мрачное состояние души:

Somehow it was her disaster – her disgrace. It was her punishment to see sink and disappear here a man, there a woman, in *this profound darkness*, and she forced to stand here in her evening dress [1: 203].

К лексическим единицам, передающим переход от света к тени, относятся глаголы burn, spot, pale, существительное spot, глагольное сочетание take gauze, фразовый глагол go in/out. Персонифицируя свет, В. Вулф останавливает луч на определенном предмете. Так ласкаются солнцем листочки:

…and the sun spotting now this leaf, now that, in mockery…[1: 77].

В данном примере еще нет света: просто факт остановки луча на облюбованном предмете фиксируется чутким наблюдателем.

Особое место в группе занимает фразовый глагол со значением «заходить/выходить»: он переводит дневной свет в искусственный. Солнце всходит и заходит, проникает в окна, скользит по стене, играет с листвой. Когда естественный свет притупляется, вступают в силу огни большого города – фонари, желтые проемы освещенных окон, подцветки лужаек. Подобно внешнему миру, душа человека озаряется внутренним светом – неровным, пульсирующим в молодости и мягким, ровно льющимся в зрелости.

The sun might *go in and out*, on the tassels, on the wall-paper, but he would wait, he thought…he would wait in this warm place, this pocket of steel air, which one comes on at the edge of a wood sometimes in the evening…[1: 158]

Как представляется, в событийном фрейме идет поиск внутреннего света, возвращаемого человеком внешнему миру; светоцветовая гармония наступает после жизненного очищения, обновления, обретения мудрости. Писательница смело проникает в глубины подсознания, ищет связь человека с космосом через универсальные категории бытия, к которым относятся свет и цвет. «Космическое» вхождение солнечной энергии недостаточно для человека. Для него важно эту энергию преобразовать, вернуть, насладившись общением, избавившись от ощущения песчинки в миге жизни.

Светоцветовая парадигма имеет несколько точек вхождения в событийный фрейм. Приемы у Клариссы и традиционные вечера в доме ее родителей; неожиданный приезд старого друга Питера Уолша и мимолетное сожаление о расставании с наивной юностью на залитой лунным светом террасе в родительском доме; неожиданное появление на приеме давней подруги, воспринимаемой в новом, приглушенном свете, - в событийном фрейме общаются люди. Приемы у Клариссы противопоставляются мучительному заточению Септимуса Смита в клетушке с чердачным окном, которая давит на его психику.

Прослеживается тесная связь между функционированием событийного фрейма и его светоцветовым оформлением. Во-первых, в коммуникативной ситуации освещаются хлопоты, связанные с ожиданием приема (Кларисса отправляется на привычную прогулку по центру Лондона, чтобы собственноручно отобрать цветы), с подготовкой вечернего платья (в серебристо-зеленом платье Кларисса сияет, словно

вышедшая из моря русалка). Здесь же дается общая характеристика атрибутов любого приема (the lighted house, the door open, motor cars, bright women,invitation, perfect hostess, guests), подчеркивается яркость убранства помещения, где собираются приглашенные (windows lit up, glare, an intense light hung).

Во-вторых, происходит перераспределение ролей на приеме. Радушная хозяйка, которая излучает праздник (illuminate and kindle), притягивает, подобно впитавшему дневной свет цветку (glows, burns by itself, softly, purely); словно подсмотрев подобное у солнечного лучика, она наделяет своим мягким ореолом каждого гостя (spotting now this leaf, now that…dazzling it with soft gold in pure and good temper). Прием доставляет Клариссе удовольствие, выделяет ее вечера из череды других приемов. Подстать хозяйке ее любимые гости. Вот тетя, подобная маяку, - естественная связь между поколениями. Вот Элен Хендерсон, которая с годами обрела ровный, спокойный свет, – гордый, полный достоинства зрелый возраст. Добродушный сэр Гарри с его выразительным, искрящимся смехом и наивными живописными полотнами. Светящаяся миссис Хилберри и надменная святоша Кидман, потерявшая былой свет Сэлли и оставленный в лунном свете расставания Питер – в них радости и разочарования, игра света и тени.

В-третьих, вспоминая о сходных ситуациях, каждый персонаж выделяет то, что дорого ему. На приемах Клариссы, в присутствии самой Клариссы (побледневшей и поседевшей после болезни) происходит высвобождение, потому что от хозяйки исходит внутренний свет, озаренный любовью к людям, природе, саду, цветам, изменчивой красоте мира. Кларисса естественна, как солнечный свет. Она просто живет, просто отражает теплоту, она ведает о чаяниях людей и дает им уверенность в завтрашнем дне, наделяет покоем.

О внутреннем огне Клариссы мало кто догадывается. Она живет в страхе перед жаром солнца, но с годами перебарывает его. Кларисса пытается понять, насколько глубоко море отдельной человеческой души. Ей самой иногда кажутся нелепыми атрибуты «приема» -например, встреча с гостей с приветствием из дежурных фраз. Но она, через прием, выражает себя, насыщает душу. Ее приемов коснулся солнечный лучик, здесь место, в котором мерцает внутренний огонь подлинной Клариссы. Дом Клариссы отражает ее внутренний мир, освещенный воспоминаниями о драгоценной дружбе, о катании на лодке при луне, о встречах и расставаниях, не выбирающих времени суток. Мироощущение миссис Дэллоуэй питается мягким сиянием пропитанных солнцем цветов. Не интеллект, а душа, как понимают давние знакомые Клариссы, притягивают людей к семейству Дэллоуэй.

Во фреймовой адаптации лексем со значением «свет», помещенных в метафорах и сравнениях, персонифицируется природа и одухотворяется жизнь большого города. Свет проникает в листву, окна домов, разгорается ярким пламенем на лужайках, освещает гостиные. Темнота несет с собой воспоминания, напоминает о боли, наводит на грусть. Для цвета есть разница в том, утро сейчас или вечер, находится предмет на свету или в тени:

Going and coming, beckoning, signaling, so the light and shadow, which now made the wall gray, now the bananas bright yellow, now made the Strand gray, now made the omnibuses bright yellow, seemed to Septimus Warren Smith lying on the sofa in the sitting-room; watching the watery gold glow and fade with the astonishing sensibility of some live creature on the roses, on the wall-paper [1: 153].

Появление в данном отрывке желтого цвета объясняется, прежде всего, тем, что желтый цвет всегда несет с собой свет. В его светлой природе – веселость и ясность, на мгновение просветляющие помутневший разум Септимуса. Солнечно-желтым цветом измученный персонаж освобождается от страха смерти, пытается перешагнуть границы обособленности людей.

В. Вулф переосмысляет типичную ситуацию «приема гостей». Вместо блеска канделябр (искусственный свет) – сияние Клариссы (sparkling). На солнечный свет похож добродушный искристый смех (dazzle), сияет платье (shine) и мелькает воспоминание (flash back). Светятся цветы и люди (glow). Свет многолик, как и его источник – лунный блик, солнце, чердачное окно (moonlight, sunlight, skylight).

And now Clarissa escorted her Prime Minister down the room, prancing, sparkling, with the stateliness of her gray hair. She wore earrings, and a silver-green mermaid's dress. Lolloping on the waves and braiding her tresses she seemed, having that gift still; to be; to exist; to sum it all up in the setting sun on some clear evening over the waves…[1:191].

Типичные контексты, в которых появляются лексемы с обозначением «свет», указывают на Клариссу. В цветовом кодировании хозяйки приема выделяются: 1) синевато-зеленый цвет, цвет маленькой птички; 2) серебристо-зеленый цвет любимого вечернего платья; 3) розоватый оттенок лица, связывающий Клариссу с розовой свежестью наряда ее дочери. Кларисса воспринимается посторонними людьми в пассивном синевато-зеленом цвете. В таком сочетании можно увидеть либо «синее небо + зеленый луг», либо «практический ум + интуицию». Синевато-зеленый считается цветом внутреннего напряжения, в котором скрыто энергетическое отношение человека к самому себе. Цвет ее платья означает, по-видимому, манеру уверенно держаться в обществе, что требуется от искусной хозяйки приема. В

розовых хроматических лучах мелькает на приеме юная дочь Клариссы; в ахроматических лучах передается зрелость поколения ее родителей (бледность лиц, седеющие волосы).

В событийном фрейме «прием» формируется мир Клариссы. С годами ее внутренний огонь усмиряется, трансформируясь из жаркого света в мягкое сияние. Чтобы стать такой, Клариссе пришлось пройти длинный путь разочарований и побед. Каждый прием становится основанием для обращения к прошлому и переосмыслению настоящего.

В светоцветовой перспективе складывается концептуальный профиль главного персонажа: МЯГКОЕ МЕРЦАНИЕ ОСВЕЩЕННОГО СОЛНЦЕМ ВНУТРЕННЕГО ОГНЯ ДУШИ КЛАРИССЫ ДЭЛЛОУЭЙ ДЕЛАЕТ ЕЕ ИДЕАЛЬНОЙ ХОЗЯЙКОЙ РАУТОВ (soft glow of heated light from sun-flickered deep spaces of Clarissa's soul makes her a perfect hostess). Выбирая для себя роль хозяйки, Кларисса выполняет человеческий долг единения, сплочения друзей и знакомых под одной крышей. Подобно дирижеру, она завораживает их праздничным ощущением жизни. В этом ее предназначение и счастье.

Таким образом, в событийном фрейме «прием» В. Вулф показала истинность света, идущего от любимого человека, открытого для мира и преобразующего яркий искусственный свет в приглушенное мерцание обновляющего сияния человеческой души. В светоцветовом потоке выстраивается связь между Клариссой и Септимусом, Клариссой и Питером, Клариссой и Сэлле и многими другими. Мерцанием внутреннего света преодолевается страх перед мраком, старостью и забвением. «Полупрозрачная оболочка» бытия Клариссы позволяет ей избежать горечи одиночества, сохранить себя как целое в отблеске светильников жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. 1.Woolf V. Mrs. Dalloway. – L.: Penguin, 1996. – 215p.
2. Кусько Л.Я. Фреймові стратегії у різножанровому іноземномовному дискурсі // Мовні і концептуальні картини світу. – К.: КНУ, 2001. – С.210-214.
3. 3 Literature and culture in modern Britain. – Vol. 1: 1900-1929. – L.: Longman, 1993. – 250p.
4. Burgess F. English literature. – L.: Longman, 2000. – 278p.
5. Woolf V. Yow should one read a book? // College reading. – Boston: Heath, 1957. –
6. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192с.
7. Прохоров В.Ф. Глагольная синонимия в немецком и русском языках. – Запорожье: ЗГУ, 1997. – 193с.
8. Вульф В. Современная художественная проза // Зарубежная литература XX века. – М.: Флинта,